Состоятельность политаризма и глобального формационного подхода

Арс Либрев 10.06.2025

Существует большое количество объяснений мировой истории. Есть среди них такие, которые представляют ее как поступательное развитие, есть такие, которые утверждают, что никакого развития нет, есть лишь бесконечно повторяющиеся различные варианты существования отдельных обществ. Классический марксизм утверждает, что мировая история являет развитие человеческого общества, проявляющиеся в развитии производственной деятельности, представляющей собой смену определенных общественных форм в которых происходит производство продукта. То есть смену способов производства. Однако в том, как именно характеризовать способ производства, существуют некоторые разночтения в среде марксистов и тяготеющих к марксизму людей. Точно также существуют разные позиции относительно того, сколько же было способов производства. Чаще всего, если рассматривать период цивилизованного — классового — общества выделяют три способа производства — рабовладение, феодализм и капитализм. Пожалуй наибольшие разночтения вызывает вопрос о бытии еще одного способа производства, который часто, вслед за самим Марксом, называют «азиатским». Одни утверждают, что такого способа нет и не было. Иные, что был. Обоснования могут быть самыми разными.

Одним из вариантов объяснений всех этих разночтений является концепция политаризма, выдвинутая Юрием Семеновым. Те, кто давно изучают мои публикации, знают, что именно ее придерживаюсь и я сам. Суть этой концепции в том, что в обществах, которые по сей день кое-кто называет «азиатскими» — а сам Семенов предложил именовать «политарными», поскольку все-таки существовали они не только в Азии — имели место специфические производственные отношения, которые характеризовались общеклассовой собственностью на средства производства, которая имела форму государственной. При ней собственником был весь класс эксплуататоров вместе взятый, который в той или иной мере совпадал с государственным аппаратом, отдельные же его представители собственниками не являлись. Данный способ производства был первым возникшим именно в классовом обществе и ему соответствует определенная общественная формация. Данная концепция, таким образом, вписывается в марксистский формационный подход, но не в наиболее распространенном его представлении

— линейно-стадиальном, по которому каждое отдельное общество, страна в частности, проходит с теми или иными оговорками все стадии исторического развития, а глобально-стадиальным, разработанным самим же Семеновым, хотя основные идеи были высказаны кое-кем еще до него, на что он сам указывает, и у классиков марксизма — хотя по большей части и шла речь об отдельных обществах, что позволяло интерпретировать их собственные взгляды, как линейно-стадиальные — есть высказывания, которые позволяют трактовать их именно как представление смены формаций в масштабах всего человеческого общества, всего человечества в целом.

Глобально-стадиальную концепцию мы затронем чуть позже, сейчас же важно другое. Концепцию Семенова — концепцию политаризма — часто отвергают. При этом редко дают какое-либо опровержение ее аргументов. Однако существуют люди, которые все-таки сподобились обосновать свою позицию и дать именно критику этой концепции, а не просто голословно заявить, что она ошибочна.

Помимо всего сказанного, данная концепция отвечает на вопрос, чем же был строй Советского Союза. В советские времена официально он провозглашался социализмом. Однако был ли он на самом деле им — это вызывает споры. Позиции есть самые разные. По концепции Семенова, в нем имел место строй, схожий в чем-то со строем именовавшемся «азиатским», там также имела место общеклассовая собственность на средства производства. Эта позиция также вызывает возражения у многих, с которыми необходимо разобраться.

Почему данный вопрос важен? Дело в том, что от ответа на него зависит вопрос о перспективах стремления к социальному освобождению. Если верен подход, согласно которому в истории человеческого общества нет никакого развития, то тогда вопрос о социальном освобождении представляется не очень уместным. Ведь тогда у движения в сторону какого-то развития нет никакой исторической обусловленности, нет перспектив развития в этом направлении, поскольку нет перспектив развития вообще ни в каком направлении. Если же верным является подход, согласно которому имеет место поступательное развитие общества, то тогда движение к социальному освобождению может иметь перспективы, и если развитие имеет свои закономерности, то они оборачиваются обусловленностью такого движения. Таким образом первым является вопрос о том, можно ли говорить о стадиальном развитии конкретного общества, имеет ли место некое строго закономерное развитие в каждом отдельном обществе — племени, племенном союзе, стране? Вторым — вопрос о том, можно ли говорить о развитии общества в целом, человечества, можно ли говорить о том, что человечество в целом развивается, и у этого развития есть определенные конкретные стадии, закономерность, строгая

обусловленность? Если в каждом отдельном обществе не обнаруживается строго определенного развития, а у человечества в целом обнаруживается, то третьим становится вопрос о том, как согласовать между собой ответы на первые два вопроса. Концепция глобально-стадиального формационного подхода позволяет дать исчерпывающие ответы на эти вопросы. Но чтобы в них разобраться, необходимо вникнуть в понятийный аппарат данной концепции, разобраться, насколько его понятия соответствуют реальным явлениям, и позволяет ли он выявить их сущность. Необходимо выяснить, отражают ли отдельные составляющие этой концепции реальное положение вещей, объясняют ли они непротиворечиво те моменты, к которым относятся? Такой составляющей является концепция политаризма. Она объясняет строй стран Древнего Востока, а также иных обществ, объясняет один из путей становления классового общества, а также отвечает на вопрос о том, чем же был строй Советского Союза. Выяснение его сущности также чрезвычайно важно, поскольку правильное объяснение результатов того, что иногда называют «великим советским экспериментом» также позволяет верно обрисовать контуры движения к социальному освобождению. Отбросить те, что ведут в тупик и выявить те, что имеют перспективы.

Данная публикация не преследует цели обрисовать концепцию политаризма во всей полноте. Для этого вы можете обратиться к самим работам Юрия Ивановича, например, к этой публикации. В ней я намерен дать ответы на критику данной концепции, которая существует. И начнем мы, пожалуй, именно с вопроса о строе Советского Союза.

Вопрос строя Советского Союза

Для начала обратимся к критике позиции Семенова по этому вопросу, которую дал уже известный нам Александр Тарасов. Свою критику концепции политаризма он высказал в своем ответе Сергею Соловьеву на его статью о мировой революции, а также в статье «Опять тупик», разбирающей книгу Семенова. На критику, высказанную в этой статье, Семенов сам ответил в одной из своих публикаций. Поэтому ее разбирать нет необходимости. А вот то, что Александр Николаевич высказал в ответе Соловьеву, стоит рассмотреть.

Свою критику в указанной статье Александр Николаевич начинает со следующего утверждения.

> «Дело в том, что по Семенову получается, что “общеклассовая собственность” — это форма частной групповой собственности, расширенной до границ целого общественного класса».

Сразу недоразумение. Нет не получается, — по Семенову общеклассовая частная собственность, это отдельный вид частной собственности, также как индивидуальная частная собственность, а значит она имеет иные характеристики, не свойственные групповой частной собственности. Однако, озвучив свой домысел, Тарасов получает возможность с радостью его критиковать, т.е. критикует не концепцию, а свои заблуждения о ней. Известная логическая ошибка под названием соломенное чучело.
Далее, как и следовало ожидать, он озвучивает признаки групповой частной собственности, сравнивает это с тем, что было в Советском Союзе, обнаруживает несоответствие и объявляет концепцию оппонента ошибочной. Чтобы убедиться в том, насколько это не соответствует концепции политаризма необходимо рассмотреть этот момент подробнее.
Тарасов говорит следующее.

> «Для того чтобы имела место такая эксплуатация, нужно, чтобы один человек (эксплуатируемый) не имел в собственности средства производства, а другой (эксплуататор) — имел. Однако применительно к советскому строю мы не располагаем никакими доказательствами того, что у одних граждан были в собственности средства производства, а другие работали на первых как наемные работники или в силу внеэкономического принуждения (речь не о нэпе, разумеется), обогащая лично первых и производя лично для них прибавочный продукт. А только это является основанием для употребления термина “эксплуатация человека человеком”».

Первое утверждение верно. А вот со вторым проблемы. Ведь невольно возникает вопрос — на что же тогда жили сотрудники номенклатуры, если не на прибавочный продукт? Сами же они на заводах и пашнях не работали. Остается признать, что они получали этот прибавочный продукт. Кто его им отдавал? Сами рабочие? Это предполагает, что рабочие могли принять обратное решение. Однако в СССР рабочий от распределения продукта был отчужден. Решения о распределении принимала номенклатура. Как именно происходит распределение было закреплено в законах. Простые рабочие принимали законы в СССР? Нет, их принимала правящая верхушка. Она же издавала разные скрытые указы о выделении тому или иному представителю госаппарата тех или иных продуктов, о предоставлении ему тех или иных благ. Рабочие таких распоряжений не давали, не координировали их и чаще всего даже о них не знали. Наконец последним утверждением Тарасов пытается загнать понятие «эксплуатация человека человеком» в узкие рамки, отринув

любые методы эксплуатации, то есть безвозмездного присвоения продукта чужого труда, кроме строго тех, что определил лично он — наемного труда и внеэкономического принуждения.

Он заявляет, что в СССР все были в положении наемного работника у государства. Таким образом, эксплуатировало по нему советских людей именно государство, а не представители номенклатуры. Но ведь государство, это всего лишь машина, с помощью которой одна часть общества подавляет другую. Тарасов сам об этом пишет в иной своей работе. То есть, хоть юридически простые люди работали на государство, и оно само по себе присваивало прибавочный продукт, но по существу, это делали определенные люди, — люди, которые находились во главе государства, т.е. номенклатура. Они то и осуществляли эксплуатацию. Подробнее этот вопрос я уже рассматривал в публикации с критикой Тарасова и более останавливаться на этом не буду.

Далее Тарасов заявляет, что если собственник не знает, что он собственник, он де-факто не является собственником. Это уже идеализм какой-то. Получается, что если человек выдает распоряжение о распределении произведенной продукции между такими-то учреждениями и людьми, но при этом не думает о том, что он распорядитель, он не распоряжается продуктом? Если именно у этого человека есть право решать кому выделить продукт, а кому нет, то продукт де-факто принадлежит ему. Если при этом есть другие, кто может оспорить его решение, то продукт принадлежит им всем в совокупности. Если в СССР была общественная собственность, как часто заявляют, то значит любой человек мог влиять на решения о распределении. То есть на него влияли и чиновники, и рабочие, и домохозяйки, и все остальные. Было ли так в СССР? Нет. Рабочие не влияли на распределение, на него влияли только представители номенклатуры. Следовательно именно эти представители являлись собственниками. Они не были равнозначны, представляя из себя сложную систему, во главе которой был верховный распорядитель — политарх. В советском обществе, это был генсек. В этом сходство неополитаризма — строя Советского Союза — с иными видами политаризма, например с палеопалитаризмом, который имел место на Древнем Востоке, в том же Древнем Египте, где верховным распорядителем был фараон. Именно он мог решать, куда и как направить продукт, не считаясь ни с мнением народа, ни с мнением когорты чиновников, которые однако занимались обычным распределением продукта, когда он не давал иных распоряжений, т.е. также выступали в роли распорядителей. Распоряжение еще не есть собственность. Последнее предполагает, что есть кто-то над распорядителем, кто может лишать его права распоряжения. В политарном обществе человек выше которого не было никого, как было сказано, — политарх. Однако и он сам по

себе не был собственником, поскольку роль верховного распорядителя закреплялась за ним, пока он занимал свою должность. Собственниками были все члены эксплуататорского класса вместе взятые.

То же самое было со средствами производства. О том как работать заводам и рабочим на них, решения принимали представители номенклатуры, они были закреплены в законах, которые они же и принимали, рабочие в этом не участвовали. Они же выдавали распоряжения о том, как им работать и т.д. Опять же, не рабочие этим занимались. Вся разница между этим устройством и групповой собственностью в том, что здесь доли собственности не закреплены за конкретными людьми, за людьми закреплены функции, связанные с должностью и если человек уходил с должности или его снимали, то он терял свои возможности представителя класса собственников — возможности распоряжаться и управлять собственностью посредством механизмов, закрепленных в законе и в распоряжениях тех, кто находился выше среди номенклатуры. Эти механизмы не эквивалентны тем, что имеют место при групповой частной собственности, и Семенов в своих работах это показывает и обосновывает. Потому что общеклассовая частная собственность, это иной вид частной собственности, а не вариант групповой, как думает Тарасов.

Если при персональной собственности решения о распределении и управлении принимает сам собственник, при групповой это делается посредством общего собрания и подчиненного ему управления, то при общеклассовой посредством бюрократического аппарата государства — через законодательство и согласование от тех, кто вырабатывает решения (например директора предприятий) до тех, кто утверждает — министры и, наконец, генсек.

Таким образом, представители номенклатуры, вопреки заявлением Тарасова, распоряжались средствами производства, управляли ими и получали от нее доход — им предоставлялась часть прибавочного продукта. Предоставлялась не всем народом, как было бы при общественной собственности, а их собственной волей, закрепленной в законе, который они же и приняли, а также волей лично политарха.

Конечно, стоит заметить, что в некоторых местах своих работ, Семенов действительно сформулировал свои положения так, что их можно было понять как понял Тарасов. Он кое-где говорит, что собственность может быть персональной и групповой, не упоминая при этом общеклассовую. А в одном месте, после таких слов заявляет, что группой может быть весь класс вместе взятый. Однако заявлений вроде «общеклассовая собственность это вариант групповой» он не делает. Наоборот, далее он говорит, что при общеклассовой собственности собственником является весь класс собственников в целом, но не его представители по отдельности. Это положение не соответствует

представлению о групповой собственности. И Семенов, это понимает и показывает как раз различие этих вариантов собственности. Кроме того, в иных местах своих работ Семенов вполне четко отделяет общеклассовую собственность не только от персональной, но и от групповой. Поэтому, серьезных оснований утверждать то, что утверждает Тарасов, все-таки нет.

Тарасов совершенно не понимает того, кого именно Семенов указывает как правящий класс. Сначала Тарасов заявляет, что это, якобы, бюрократия как таковая. При этом оказывалось бы, что и низкооплачиваемые сотрудники занимавшиеся чисто техническими функциями, например курьеры, являлись эксплуататорами. Это заведомый абсурд. И Семенов такого не утверждает. И далее Тарасов говорит, что Семенов, якобы, заявляет, что не весь эксплуататорский класс был эксплуататором, а только его верхушка. И далее разражается справедливой критикой, указывая, что это все равно, что заявить, будто не все капиталисты эксплуататоры, а только те, у кого состояние больше десяти миллиардов, к примеру. Между тем, Семенов, разумеется, не говорил о том, что эксплуататором является лишь верхушка эксплуататорского класса. Это была бы и впрямь ерунда. Он говорил, что эксплуататором являлась верхушка партийного аппарата, или точнее та категория людей, которая в главном и основном совпадала с правительственным аппаратом. То есть, он не говорил, что эксплуататорским классом в Советском Союзе являлась бюрократия. Этим классом являлись те представители бюрократии, которые были ответственными партийными работниками. Таким образом, Тарасов опять построил соломенное чучело.

Далее Тарасов говорит следующее.

> «Наконец, Семенов нигде не объясняет, как и где, по каким критериям надо проводить границу между “верхушкой” “класса политаристов” и всеми остальными “политаристами”».

Ну, во-первых, Семенов, проводит границу, как уже было сказано, не между верхушкой класса политаристов и всеми остальными политаристами, а между той частью бюрократиии, которая являлась политаристами и всей остальной бюрократией. Во-вторых, граница эта обозначена им вполне четко. К политаристам относится та часть бюрократии, которая являлась ответственными партийными работниками. Их обычно называют номенклатурой. Однако Тарасов, понятие номенклатуры трактует по-своему, он это слово просто объявляет синонимом бюрократии, что позволяет ему откреститься от необходимости рассматривать различие между теми, кого Семенов относит к правящему классу в СССР и всеми остальными

сотрудниками партийного аппарата. Все ответственные партийные работники являлись получателями прибавочного продукта, созданного чужим трудом. Это имело место даже когда они его получали в виде заработной платы. Но они также имели и привилегии — «корыта» — для них существовали спецмагазины, спецсанатории и т.д. Они вне обычных очередей получали квартиры и т.д. У тех, кто находился внизу номенклатурной пирамиды размер «корыта» был меньше. У тех, кто был наверху, он во много раз превышал размер зарплаты, они имели доступ к таким благам, которые в капиталистических обществах доступны только миллионерам. Таким образом, Тарасов просто не понял положений концепции Семенова и потому нагородил абсурдных утверждений, не имеющих к ней отношения, которые резво и опроверг. Такой подход нельзя считать приемлемым.

Еще один аргумент Тарасова состоит в том, что неизвестно как это собственники могут воровать сами у себя. Ответственные же работники в СССР регулярно воровали, следовательно, они не были собственниками. Все дело в том, что каждый ответственный работник сам по себе не был собственником, собственником был лишь весь класс в целом. В этом отличие общеклассовой частной собственности от групповой, в которой каждый собственник владеет определенной фиксированной долей собственности. При общеклассовой же собственности, доля собственности не закрепляется за отдельным представителем. Поэтому каждый такой работник воровал не сам у себя, он воровал ту собственность, которая была собственностью всего класса в целом. Поскольку сам по себе он не был собственником, а мог выступать только как распорядитель, он и не осознавал себя собственником. Сам Семенов в своей работе по этому поводу говорит следующее.

> «При индустрополитаризме он должен был организовывать производство в масштабе всей страны. И важнейшим является вопрос о стимулах, которые побуждают представителей господствующего класса способствовать развитию производства. Когда речь идет о персональной или даже групповой частной собственности, то ответ ясен: стремление извлечь для себя максимальный доход. Но ни один политарист, взятый в отдельности, не был частным собственником. Собственником был лишь класс в целом. В результате, хотя весь класс в целом был объективно заинтересован в прогрессе производства, все его члены, взятые по отдельности, прямой заинтересованности в этом не имели».

А поскольку из общеклассовой собственности он получал только

определенную долю продукта, у него было желание получить больше, потому он и воровал. Воровал не сам у себя, а у той совокупности, к которой он относился, в которой он имел возможность получать долю продукта, но сам по себе ее собственником он не был. Собственником являлся весь класс в целом.

Тарасов утверждает, что в Советском Союзе правящая верхушка не отличалась отношением к средствам производства от остальных людей и не была отдельным классом. Она по нему была частью класса работников интеллектуального труда. Но в таком случае, выходит, что ее отношение к средствам производства ничем не отличалось от остальных таких работников. Однако очевидно, что отношение к ним министра продовольствия или чиновника было иным, чем писателя или ученого. Последний не имел возможности влиять на выработку продукта не принимал решений по производству и не участвовал в распределении прибавочного продукта. Также нельзя сказать, что все это делало государство. Поскольку решения все же принимали люди. Снова выходит, что-таки был в Советском Союзе класс, отличающийся по своему положению от остального населения, по отношению к средствам производства.

Критика Тарасова в отношении концепции политаризма, как видно, вся выстроена на недоразумениях и непонимании даже основных положений концепции. Как следствие, она изобилует логическими ошибками, в частности соломенными чучелами, и является по сути критикой не концепции, а своих заблуждений и фантазий.

С иной критикой, которую я находил в сети, все обстоит еще хуже. Например, критически высказывался об этой концепции один чрезвычайно плодовитый автор, считающий себя марксистом, под ником Анлаз в своем ЖЖ. Заявив, что концепция политаризма существует наряду с иными концепциями о том, чем на самом деле был советский строй, он заявляет, что сторонники позиции о том, что он не был социализмом, независимо от того, какой именно конкретной концепции они придерживаются, делают это, чтобы отгородиться от проблем, связанных с объяснением распада СССР. Мол, не удалось построить тогда социализм и ладно. Это не так. Все эти концепции, и концепция политаризма в том числе, как раз объясняют причины этого самого распада. Конечно, у каждой ответ свой. Тарасовская концепция «суперэтатизма» заявляет, что причина исключительно в желании бюрократии большего богатства и инфантильности и мещанстве простых советских людей. Концепция политаризма, с одной стороны, также показывает, что правящие верхи были заинтересованы в переводе общеклассовой частной собственности в персональную и групповую, поскольку это также позволяло им увеличить возможности для обогащения и легализовать повышение своего богатства. С

иной стороны, производственные отношения, характерные для того строя — неополитаризма — перестали двигать прогресс. СССР оказался не способен внедрить достижения научно-технической революции. Для развития его производительных сил необходимы были отношения, которые давали бы собственникам стимул к развитию производства. Эти факторы находились в противоречии, и оно вылилось в установление такой формы капитализма, при которой верховные собственники — бывшая номенклатура — оставались ими, а вместе с тем имели место отношения, имевшие место во всем остальном мире, поскольку в масштабах всего человечества, капитализм оказался способен породить и внедрить достижения научно-технического прогресса последнего времени.

Эти концепции, и политаризм в том числе, как раз объясняя суть тогдашних социально-экономических отношений, отвечают и на вопрос о том, почему они привели к развалу, и о том, каковы их перспективы, а вместе с тем, намечают и ответ на вопрос о том, куда же нужно двигаться для осуществления социального освобождения. Тарасов, например, считает, что нужно возродить СССР, но учтя ошибки советского руководства, предпринять меры для предотвращения перерождения правящих верхов. Семенов же, полагал, что возрождать СССР нет смысла, поскольку неополитаризм исчерпал свой прогрессивный ресурс, который у него был в начале XX века. А значит, нужен иной подход, иной путь.

Таким образом, критик неверно понимает и представляет концепцию. Причем уже не только концепцию Семенова, но и остальных относящихся к данному вопросу.

Далее Анлаз заявляет, что концепция политаризма, а также позиция всех тех, кто не согласен со взглядом на советское общество как на социалистическое, близка к концепции «тоталитаризма», и объявляет ее происками врагов социализма. Затем он публикует еще одну запись, где говорит, что концепция политаризма близка к концепции «тоталитаризма». Не стану разбирать его рассуждения об этом самом «тоталитаризме», сосредоточимся на критикуемой концепции. Анлаз заявляет, что как и в концепции «тоталитаризма» по концепции политаризма людей может угнетать некая бездушная машина. Такое представление характерно для «суперэтатизма», выдвинутого Александром Тарасовым. Это у него в советском обществе были эксплуатируемые, но не было эксплуататоров. Эксплуатировало же советских людей само по себе государство — бездушная машина. Этот абсурд я уже очень подробно разбирал в публикации про революционеров. По концепции же политаризма Семенова, эксплуататорами являются как раз люди — те кто в главном и основном составляют ядро государственного аппарата. Государство — это машина,

используемая этими людьми.
После рассуждений о Советском Союзе Анлаз начинает разглагольствовать о Третьем Рейхе и том, что там были буржуазные отношения, что это государство представляло интересы крупных собственников, а потому никаких элементов политаризма, которые там обнаруживает Юрий Семенов нет. Самое поразительное, что городя рассуждения о собственности (юридической) и интересах, он полностью уходит от вопроса экономических отношений собственности — производственных отношений — которые имели место там. Он при этом даже не пытается рассматривать аргументы Юрия Ивановича. И причина, как мне видится, даже не в том, что возразить на них ему по существу нечего, а в том, что он их даже не понимает. Вообще сложно серьезно разбираться в чем-либо, когда тебе приходится быть экспертам по всем без исключения вопросам на свете. Но продолжим разбираться с критикой концепции политаризма.
Этот автор не единственный обитатель ЖЖ, который обрушивается с критикой на концепцию политаризма. Еще одним преуспевшим в этом деле является некий РедВайтГолд, который опубликовал большое количество записей, в основном с высмеиванием, но кое-где и с содержательной критикой концепции Юрия Семенова. Одна из его основных претензий к Семенову, также как и Анлаза, в том, что тот объявляет советское общество обществом угнетения, как любое классовое. Впрочем выказывая возмущение, критик не пытается как-то опровергать это положение. По этому поводу критиковать нечего.
По представлениям этих критиков, это было самое свободное и благополучное общество, где не было ни репрессий (по крайней мере РедВайтГолд напрямую намекает на их отрицание), ни отчуждения, ни очередей за продуктами. По поводу репрессий можно найти достаточно сведений в тех источниках, на которые я ссылался в иных своих работах (вот в этой работе, например, целый список, еще можно добавить эту статью, а также эту, и вот эту). Насчет отчуждения хорошо сказал Тарасов в статье «Мало читать Маркса. Его надо еще понимать», указав на то, что рабочие, например, спускались в шахту не потому что хотели стать спелеологами, или работали в горячем цеху не потому что любили жару, а вынужденно, из-за денег. Что касается очередей, аргумент Анлаза, их отрицающего, в том, что статистика показывает рост выработки продукта. Никаких ссылок на эту самую статистику он при этом не дает. Но даже если мы примем этот вывод, он сам по себе еще не говорит об изобилии продуктов. То что количество производимых продуктов росло — не означает, что их было достаточно для населения. Во-первых, просто-напросто, прирост мог не дотягивать до спроса. Во-вторых, они могли идти на вывоз, на продажу за бугор. В-третьих, нельзя списывать со счетов вопрос, насколько эта

статистика отражает реальность, не подправлена ли она? Ведь если спрос удовлетворялся полностью, как объяснить огромнейшее количество свидетельств очередей и пустых и полупустых прилавков. Множественнейшие фото и видеоматериалы? Существует расхожая фраза, что, мол, полки в магазинах пустые, зато холодильники у всех дома полные. Но ведь, во-первых, вопрос не только в количестве продуктов, но и в разнообразии. Во-вторых, продукты, это не только пища. Это и одежда, и мебель, и электроника, и бытовые принадлежности, и стройматериалы и еще многое и многое иное. Доступность этих товаров была несопоставима с той, которая имела место в странах «первого мира». Могут возразить, что то изобилие было следствием ограбления стран «третьего мира». Это верно, я сам много говорил о неэквивалентном обмене. Но ведь эти критики не просто оправдывают недостаток потребительских товаров в Советском Союзе, а буквально отрицают то, что он был. Достаточно поговорить с людьми, заставшими советское время, чтобы убедиться в полной несостоятельности такой позиции. Так что россказни о том, что в Советском Союзе было сплошное благополучие, все были удовлетворены, «была свободна Русь и три копейки стоил гусь» я оставляю на совести обитателей ЖЖ. Пускай они и дальше думают, что рассказы людей старших поколений о том, что того-то нельзя было достать, и того-то сплошь враки — все-все подкуплены американским Госдепом. Как было видно выше, что Анлаз, что РедВайтГолд любят порассуждать о том, что якобы концепция политаризма сближается с концепцией «тоталитаризма» и из нее, мол, можно сделать те же выводы, что делают правые и сторонники капитализма. Вот только их рассуждения точно также сближаются с рассуждениями конспирологов, которые повсюду видят заговор демонических сил, подвластных американскому Госдепу. Правильной дорогой идете, товарищи. Масоны с рептилойдами уже заждались вас на ее конце. Так и формируется классовое сознание революционного субъекта, и вызревается революционная ситуация.

Многие захотят заметить, что здесь я уже перешел к риторике и высмеиванию вместо критики. Но ведь именно так и ведут себя по больше части эти люди. Обратите внимание, ни тот, ни другой, даже не пытаются исследовать данные об отношениях распределения и обмена, которые были в Советском Союзе, и на основе которых Семенов и строит свои выводы о политаризме в нем. Они обращают внимание на что угодно, но только не на основу теории. Анлаз лишь попытался говорить об общеклассовой собственности, но тут же стушевался и отослал на художественное произведение, которое якобы показывает невозможность такой собственности. Просто смешно. Не показывает.

Еще один критик, обвиняющий Семенова в де-факто отказе признать СССР

свободным и благополучным обществом, решил при описании вопроса, говорить о том, что критикуемый им автор повторяет мифы, созданные поклонниками троцкизма, еврокоммунизма и неолиберализма. В качестве опровержения он ссылается на работы Кары-Мурзы.
Всю ту бредятину, которую понаписал этот Кара-Мурза в произведении, на которое ссылается автор, разобрал Скиф Рэд к книге которого я вас и отсылаю. Она опубликована в сети. Вот это она.
Таким образом, в отношении объяснения этой концепцией строя Советского Союза критики не смогли возразить ничего состоятельного.
Зато у некоторых из них возникли претензии к пониманию фундаментальных понятий в концепции политаризма. Давайте разбираться в этой критике.

Фундаментальные понятия материалистического понимания истории

Несмотря на то, что Анлаз не пытается исследовать отношения в Советском Союзе, он попытался раскритиковать некоторые положения концепции Семенова, касающиеся фундаментальных понятий. Он постарался уже конкретно обосновать свое утверждение о несостоятельности концепции Семенова с этой позиции. Начинает он свою критику со следующего утверждения.

> «Политаризм — это понятие, введенное Юрием Ивановичем Семеновым, и означающее особое общественное устройство, при котором эксплуатация осуществляется посредством некоей “общеклассовой собственности”. (Встречается даже термин “общеклассовая частная собственность”.)».

Сразу возникает недоумение, что значит «встречается даже». Как раз термин «общеклассовая частная собственность» является основным в данной концепции. Собственность, как таковая, это такое отношение человека к вещам, которое определяет полное господство его над ними. Частная собственность, в соответствии с марксистской теорией, это такая собственность на средства производства, которая позволяет одним людям присваивать себе плоды труда других людей. Именно в этом суть политаризма. При данном способе производства, класс эксплуататоров владеет средствами производства только весь в совокупности, отдельные политаристы не являются собственниками, но их положение позволяет им безвозмездно присваивать себе плоды труда других людей. Их положение, в данном контексте, это их отношение к средствам производства. То есть, эта общеклассовая собственность является частной собственностью в классическом смысле. Политаристы, таким образом,

представляют собой класс в классическом смысле. Причем именно эксплуататорский класс. Поэтому первым же предложением критик показывает, что не понимает того о чем пишет.
Далее он говорит следующее.

> «Впрочем, в реальности под “политаризмом” подразумевается ни что иное, как пресловутый “Азиатский способ производства” — определенная стадия развития общества, стоящая между первобытнообщинным строем и “настоящим” классовым обществом».

В этом высказывании нелепо каждое утверждение во всех отношениях. Во-первых, то что концепция политаризма является разработкой концепции «азиатского способа производства» Семенов пишет прямо — он именно так и позиционирует свою концепцию. Критик же пытается представить все так, словно Семенов пытался представить нечто новое, но на деле просто выдал за новое старую отброшенную концепцию. Семенов эту концепцию развивает, а не выдает за новое слово. И ничего похожего на представление о том, что «азиатское» или политарное общество стоит между первобытнообщинным и «настоящим классовым» Семенов не делает, также как не делал подобного и Маркс, в отношении выделенного им азиатского способа производства. У Маркса он поставлен наравне с античным, феодальным и буржуазным способами производства. То есть, как полноценное классовое общество. И Семенов его описывает именно как полноценное сформированное классовое общество, а вовсе не предшествующую ему стадию.
Теперь о «первобытнообщинном строе». Необходимо заметить, чтобы понять этот момент, что некоего единого первобытнообщинного строя в истории человечества не было. Если брать эпоху уже сформированного, но еще не классового общества, когда вид Homo Sapiens выделился среди иных живых существ полноценным разумом и тем, что стал демонстрировать, хоть и меленную, но настойчиво ускоряющуюся кумулятивную культурную эволюцию, т.е. начавшуюся около сорока тысяч лет назад (период «выделения» этого вида начался почти за два миллиона лет до этого, с эпохи архантропов или даже хабилисов), то тогда имело место раннепервобытное общество, основной характеристикой которого являлось распределение продукта по потребностям. Это установлено данными этнографии и последовательно и обстоятельно показано Семеновым в одной из его книг. Это общество правомерно называть первобытно-коммунистическим или коммуналистическим. Затем ему на смену пришло позднепервобытное общество, основной характеристикой которого было уже распределение не по

потребностям, а по труду. Поскольку изменился тип отношений распределения продукта, это была уже иная формация, иной строй. Этот строй правомерно называть первобытно-престижным. На этой стадии общество все еще не раскололось на классы, оно было доклассовым. Но на следующей стадии уже возникло предклассовое общество. В нем стали возникать отношения распределения по собственности. Появились образы и методы эксплуатации. То есть стали возникать протоклассы. Однако, чтобы говорить о классовом обществе, необходимо наличие государства — институцианализированного аппарата насилия, принуждающего одну часть общества подчиняться другой. То есть аппарата, с помощью которого правящие классы, подавляют угнетенных. В нем возникают юридические отношения. В предклассовом обществе отношения распределения и обмена регулировались обычным правом, т.е. обычаями, они не были юридически оформлены. При переходе к классовому обществу, они становятся юридическими. Это становится возможным только с возникновением письменности. Иными словами, это возможно только с возникновением цивилизации. Еще одной характеристикой ее, помимо письменности, является фундаментальное зодчество. Таким образом между «первобытнообщинным строем» и «настоящим классовым обществом», стоит как раз предклассовое общество, а не политарное или азиатское. Политарное или азиатское общество, это уже полноценное классовое общество. По концепции Семенова, в истории человечества было несколько видов политарных обществ. И тем обществом, которое относят к «азиатскому», было палеополитарное. Оно было первым в истории человечества настоящим классовым обществом. Но именно, полноценным классовым. Таким образом, видно, что Анлаз не дал себе труда полноценно ознакомиться с концепцией Семенова. Тем более, вряд ли он знаком с его книгами, где он на данных этнографии и археологии, показывает путь развития общества от первобытной стадии до классовой и развитие человеческого общества в рамках классового общества — переходы между способами производства.

Далее критик переходит к объяснению строя обществ Древнего Востока. Его вывод — эти общества были рабовладельческими. Но ведь по характеру производственных отношений они существенно отличались от собственно рабовладельческих обществ — от обществ Античности — что прямо пишет сам критик. На каком же основании объявлять их общественные устройства одним способом производства? В этом Анлаз не оригинален. Основание — уровень развития производительных сил. Чтобы разобраться в этом вопросе необходимо рассмотреть фундаментальные понятия материалистического понимания истории.

В соответствии с марксизмом в основе развития человеческого общества лежит

развитие производства материальных благ, то есть развитие производительных сил. Производство всегда происходит в определенной общественной форме, которую образует система социально-экономических или, как их еще называют, производственных отношений. Как указывал Маркс, на определенной стадии развития общества уровень развития производительных сил вступает в противоречие с существующими производственными отношениями. Тогда происходит социальная революция, и общественный строй меняется. Таким образом в основе характеристики способов производства лежит уровень развития производительных сил и тип производственных отношений. Но возникает вопрос, что является характеристикой самих производительных сил? За этим понятием стоит возможность производства благ. Чем больше объем производимых благ, тем выше следовательно в обществе производительные силы. От чего зависит возможность производить больше или меньше благ? Первое, что приходит на ум — от уровня развития техники. И многие именно его клали в основу разделения способов производства.

И Анлаз именно развитие техники и кладет в основу производительных сил, говоря о том, что при «азиатском» способе производства имел место тот же уровень развития производительных сил, который критик отождествляет, по его же выражению с «мотыжным земледелием». То есть с определенным техническим оснащением, с уровнем развития техники. Но ведь и при феодализме была та же аграрная экономика, тоже земледелие. Как же критик объясняет это? А объясняет он это тем, что земледелие было уже с использованием не условной мотыги, а условного плуга. Техника стала более совершенной, и потому сменился способ производства. Подобные заявления не могут вызывать ничего кроме недоумения. Плуг существовал и применялся еще в Древнем мире, на том же Древнем Востоке. До нас дошло, например, шумерское произведение, где излагается спор между мотыгой и плугом. Первые плуги были примитивными и деревянными, и судя по всему появились еще в предклассовом обществе. Примитивный плуг не мог полностью заменить мотыгу. В Шумере и Древнем Египте они были усовершенствованы, в них стали применять медь и бронзу. Далее они еще усовершенствовались, в них стали применять железо. Может быть в средневековье плуг как раз смог полностью заменить мотыгу? Нет, это произошло еще во II тысячелетии до н.э., то есть до появления не только феодальных, но даже античных обществ. Об этом пишет, например, Илюшечкин в своих работах об истории Китая и стадийном развитии общества, отмечая, что ручное земледелие имело место в первых сословных обществах (этим термином он, насколько можно судить, называет предклассовые общества), а сошное (соха, плуг) возникло при переходе к более поздним «сословно-классовым» (так он именует

докапиталистические классовые общества). Илюшечкин хоть и ошибался в вопросах теории стадийного развития общества, о чем еще будет сказано далее, но будучи специалистом по истории Китая, с фактическим материалом, в том числе, о производстве на Древнем Востоке, был знаком хорошо. Так что указанный Анлазом переход произошел задолго до феодализма. Безусловно техника в Средневековье была более совершенной, чем в Древнем мире. Сам Семенов говорит следующее.

> «Кстати сказать, нередко существует упрощенный взгляд и на технику производства. Ее нередко сводят к орудиям и машинам. Но к технике в более широком смысле относятся и системы земледелия, и конская упряжь и т.п. Технический уровень развития производительных сил характеризуется не только орудийной (орудийно-машинной) техникой, но и неорудийной техникой. Можно привести пример огромного значения неорудийной техники. В Древнем Риме пара лошадей могла тащить груз, который не превышал 500 кг, в средневековой Европе такая же пара тянула груз в 2500 кг, т.е. в 5 раз больше. Это было следствием внедрения в VIII в. н.э. новой, заимствованной у кочевников евразийских степей конской упряжи. В результате стало возможным использовать в земледелии вместо быков лошадей, что способствовало значительному подъему этой отрасли общественного хозяйства».

И в этом-то и проблема попыток положить в основу выделения способов производства критерий техники. Если мы попытаемся отыскать некое качественное изменение в технике, которое позволит нам говорить о том, что именно оно способствует смене способов производства, то мы неизбежно сталкиваемся с трудностями в отношении выделения такого качества, и главное корреляции его с изменением производственных отношений.
И это наглядно видно, если задаться вопросом о причинах смены феодализма капитализмом? По логике Анлаза, это должен был быть какой-то переворот в технике. На ум сразу приходит возникновение при капитализме индустриального производства. Но ведь, как утверждается всеми и экономистами и историками, капитализм возник еще в XV веке, а в некоторых регионах даже в XIV веке. Промышленная же революция произошла только в XVIII веке. Предположим, что Анлаз считает какое-то достижение произошедшее в указанное время (XIV–XVI вв.) толчком к возникновению нового способа производства. Но тогда получается, что при промышленной революции необходимо было появление очередного способа производства.

Однако продолжал иметь место капитализм. А ведь этот переворот в техническом характере производства был самым масштабным, он никак не сравниться с заменой мотыги плугом. Почему же нового способа производства не возникло? Единственный способ, которым этот «марксист» мог бы выкрутиться, объявить, что никакого капитализма до промышленной революции не было, а то что иные историки и экономисты считают мануфактурным капитализмом есть тот же феодализм. Правда в этом случае всплывает иной неудобный момент. Ведь капитализм потому и выделяется в указанный период (XIV-XVI вв.), что ему соответствуют определенные общественные отношения, которые стали выделяться как раз тогда. И они же развивались в период промышленной революции и после нее. Но ведь если мануфактурный капитализм был вовсе не капитализмом, то когда возник собственно капитализм — получается в XVIII веке — прежние социально-экономические отношения отошли бы в прошлое и возникли бы иные. Этого однако не было. Все эти несуразности и нелепости говорят о том, что присовокуплять к разделению способов производства производительные силы, отождествляемые с развитием техники, неуместно; в основу выделения способов производства необходимо класть один критерий — тип производственных, социально-экономических, отношений.

Можно привести и еще один аргумент против сведения производительных сил к технике. Общества майя в I тыс. н.э. были уже безусловно классовыми, однако при этом они не знали металлических изделий, не только железных, но и медных. Некоторые же племена Африки знали и медь и бронзу и даже железо, при этом оставаясь на стадии предклассового общества даже в XIX веке. Эти примеры говорят о том, что подход сведения производительных сил к технике не обоснован. И что уровень развития производительных сил несводим к уровню развития техники. А кроме того, такой подход полностью игнорирует тот факт, что на производительные силы влияют производственные отношения.

Критиком заявляется, что отказ рассматривать выделение способов производства, отталкиваясь от связки уровня развития производительных сил и производственных отношений, это отход от диалектического материализма. Но ведь это не так. Подход, опирающийся на производственные отношения в вопросе выделения способов производства, вовсе не отрицает связки производительных сил и производственных отношений. Он как раз объясняет, каким образом первые определяют вторые, и как вторые влияют на первые. Он объясняет как производство развивается и способы производства меняются. В том-то и дело, что дубовая попытка рассматривать способ производства, как различающейся отдельно уровнем развития производительных сил и отдельно производственных отношений, как раз не отражает их диалектического

взаимодействия, не показывает, как первые порождают вторые, и вторые влияют на первые.
Вот, что говорит тот же Семенов по этому поводу.

> «Как уже указывалось, отношения распределения и обмена, которые в своей сущности представляют собой отношения собственности, образуют внутреннюю структуру производства, общественную форму, в которой протекает процесс собственно производства. Собственно производство есть процесс создания общественного продукта определенными силами, которые принято называть производительными силами общества. Эти силы — люди, вооруженные средствами труда и умеющие привести их в движение. Общественное производство есть функционирование производительных сил общества, всегда происходящее в исторически определенной общественной форме. Функционирование производительных сил есть содержание общественного производства, система социально-экономических отношений представляет собой форму, в которую облечено это содержание. И, как везде в мире, содержание определяет форму».

И далее.

> «Производительные силы общества может быть большими или меньшими. Они могут расти, а могут и уменьшаться. Это дает основание ввести понятие уровня развития производительных сил общества. Именно уровень развития производительных сил общества — главный фактор, определяющий тип существующих в обществе социально-экономических отношений. Другой фактор — внутренняя структура производительных сил. Уровень развития производительных сил того или иного социоисторического организма измеряется объемом созданного в нем общественного продукта в расчете на душу его населения. Этот показатель можно обозначить как продуктивность общественного производства».

Описывая то, как природные условия влияют на продуктивность труда, Семенов выделяет их как естественные факторы, и отделяет от социальных факторов — собственно производительных сил. Он пишет следующее.

> «Когда говорят о прогрессе производительных сил общества, то речь, разумеется, идет о росте социальной продуктивности производства.

> Бросается в глаза, что социальная продуктивность общественного производства может быть повышена за счет роста производительности труда. В свою очередь рост производительности труда может быть обеспечен путем приобретения работниками большего опыта и квалификации, повышением интенсивности их труда, внедрением более совершенных способов использования техники, совершенствования организации труда. Но все эти приемы рано или поздно исчерпывают свои возможности».

Затем он указывает на то, что единственный путь, который потенциально может обеспечить беспредельный рост производительных сил, это прогресс техники. Именно этим путем шло развитие производства на протяжении истории капитализма. Как раз это и заставляет часто отождествлять производительные силы с уровнем развития техники. Это и происходит у Анлаза. Это же мы наблюдали и у Тарасова. Винить их на самом деле сложно, ведь и классики марксизма часто делали высказывания, в которых отражалось такое отождествление. Но, как мы уже видели выше, существуют и иные факторы, которые определяют возможности производства общественного продукта. И они связаны с теми отношениями, которые существуют в обществе — с производственными отношениями. В производственных отношениях отражается уровень развития производительных сил. Вот что указывает Семенов на этот счет.

> «При одной и той же технической вооруженности, но при разных социально-экономических отношениях люди могут создавать далеко не одинаковое количество общественного продукта. Не только производительные силы влияют на производственные отношения, но, производственные отношения на производительные силы».

К таким нетехническим — общественным — факторам относятся повышение продолжительности рабочего времени, увеличение количества работников и т.д. Прогресс производительных сил лежит в основе развития производства, а с ним и общества. Соответственно возникает вопрос об источнике развития производительных сил. Таким источником являются сами производственные отношения. Например при капитализме стимулом для развития производства выступает стремление к извлечению как можно большей прибыли. При первобытно-коммунистическом — стремление гарантированно обеспечить себе ощутимое количество продукта, главным образом пищи, поскольку чем больше будет продукта в целом, тем больше из общего количества достанется тебе. При

первобытно-перстижном — стремление к большему престижу — чем больше продукта ты производишь, тем выше твой статус в обществе и возможности для реализации своих устремлений. Таким образом, социально-экономические отношения порождают у людей определенные интересы. Реализация этих интересов толкает к развитию производства, т.е. способствует повышению уровня развития производительных сил. Производственные отношения отражают уровень развития производительных сил и являются источником их развития. В этом и проявляется их диалектика. А не в том, чтобы класть их по отдельности в основу разделения способов производства, просто объявляя их взаимосвязанными.

Введение критерия производительных сил отдельно от производственных отношений, рядом с оными, ничего не дает для понимания реальности, а только запутывает дело и ведет как раз к несоответствиям рисуемой теорией картины реальности и самой этой реальности. Диалектика проявляется не в том, что «диалектик» использует красивые слова, и не в том, что он повсюду видит несколько отдельных факторов определяющих каждое явление, а в умении различать содержание и форму, умении видеть, как содержание определяет форму и как форма влияет при этом на содержание. Вот в чем состоит диалектика, а вовсе не в том, что в основу любого явления «диалектик» обязательно кладет ни один критерий, а два, просто говоря об их взаимосвязи. Умение увидеть в одном критерии отражение иного — вот в чем проявляется диалектика.

У Анлаза же получается, что если в азиатском и рабовладельческом обществе был один и тот же способ производства, то выходит, что он был одинаковым потому что там были одинаковые производительные силы. Но ведь производственные отношения так или иначе были разными. Получается, что повторяя аки мантру слова про «диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений», он по факту, полностью отбрасывает производственные отношения и кладет в основу характеристики способа производства один критерий — уровень развития производительных сил, которые, отождествляет с уровнем развития техники. Получается, что способ производства по Анлазу, это всего-навсего производство определенного технического уровня. Ну и где здесь та самая диалектика? К чему приводит сведение производительных сил к технике уже было показано выше.

Кроме того, при таком подходе в рабовладение необходимо записывать и предклассовые общества и даже позднепервобытные, ведь и в них часто имело место земледелие, основанное на ручном труде. Так что же и «первобытнообщинный строй» нужно записать в рабовладение? Принятие во

внимание того, что производственные отношения влияют на уровень развития производительных сил и есть основание для разграничения способов производства именно по производственным отношениям. И тут могут возразить, что существуют же при одинаковых производительных силах разные производственные отношения. Это называется укладами и подукладами. На это, например, указывает Тарасов.

Действительно в марксистской литературе существует понятие социально-экономического уклада. Оно характеризует как раз производственные отношения, существующие в обществе. Бывают общества, в которых сочетается несколько типов производственных отношений. Такое общество называют многоукладным. Социально-экономический строй общества характеризует все имеющиеся в нем социально-экономические отношения, соответственно, он может быть как одноукладным, так и многоукладным. Нередко в литературе уклады характеризуют, как второстепенные способы производства, поскольку способы производства выделяются по производственным отношениям. Таким образом, существуют основные способы производства, которые формируют определенные общественно-экономические формации и являются стадиями развития общества — стадиями развития производства, — и неосновные, которые различаются только типом производственных отношений, но не образуют особой общественно-экономической формации и не являются стадиями развития общества.

Но получается, что мы пришли к тому, что выше и опровергали, — способы производства различаются по уровню развития производительных сил и производственным отношениям, а уклады по производственным отношениям. Так почему же мы все-таки говорим о выделении способов производства сугубо по производственным отношениям, почему вводим понятие второстепенного способа производства для уклада? Если мы будем говорить, что понятие уклада, характеризующие производственные отношения, полностью отлично от понятия способа производства, характеризующего взаимодействие производительных сил и производственных отношений, значит способ производства таки характеризует только производительные силы, а не производственные отношения, не их взаимодействие, не их взаимовлияние, поскольку производственные отношения характеризуют уклад. Таким образом если мы все-таки сохраняем трактовку способа производства, как взаимодействия уровня развития производительных сил и производственных отношений, необходимо признать, что при разных производственных отношениях имеют место разные способы производства. Ну, а попытка в первом приближении разделить способы производства по уровню развития производительных сил, вдобавок к производственным отношениям, приводит к

путанице, которая и была выше показана в отношении рассуждений Анлаза. Которая получается и у Тарасова, что также было показано в отдельной публикации.

Но если мы признаем, что каждым производственным отношениям соответствует свой способ производства, то мы неизбежно вынуждены будем признать и существование неосновных способов производства. Это будут те способы производства, которые на протяжении истории не оказывались на ведущих ролях в магистральном развитии общества. К таковым относятся все виды политаризма, за исключением палеополитаризма. А также, это доминарный, магнарный и нобиларный способы производства. Они могли переплетаться между собой и с политарным. В результате возникали политодоминарный, политомагнарный и иные варианты политарного способа производства.

Остается ответить на вопрос, был ли палеополитарный способ производства — напомню, тот который называют часто «азиатским» — основным или неосновным? Формировал ли он определенную общественную формацию, был ли он определенной стадией развития общества? Ответ на этот вопрос однозначно, да. Ведь палеополитарные общества были первыми цивилизованными — классовыми — обществами, именно в них произошел рывок продуктивности производства. Именно в них возник центр развития человечества, появились зачатки науки, фундаментальное зодчество, письменность и многое другое. Античные же общества возникли позже, вобрав в себя достижения палеополитарных обществ. Но дав такой ответ, мы неизбежно приходим к вопросу, а был ли античный способ производства очередной стадией развития общества, формировал ли он определенную формацию, иными словами, был ли он основным способом производства? Ведь если окажется, что нет, то тогда мы возвращаемся к выводу, что «азиатский способ производства» и рабовладение один и тот же способ производства. Ответ на этот вопрос также, да. Рабовладение оказалось более продуктивным, чем палеополитаризм. Это проявилось, например, при столкновении данных систем. Маленькая Античная Греция победила огромную Персию. Но что гораздо важнее, именно в античный мир переместился центр всемирно-исторического развития. Именно в нем возникла наука, развилось искусство, и социальные институты. Таким образом мы можем однозначно утверждать, что палеополитаризм и рабовладение разные способы производства, они же формировали разные общественные формации, были разными стадиями развития производства, развития человеческого общества, развития человечества.

Еще один критик Семенова, это Илюшечкин. Он в своей книге с изложением

своей концепции стадийного развития общества критиковал его за то, что он, якобы, не понимал, что Маркс использовал термин способ производства в двух разных значениях — в социологическом и обыденном. В этом же Семенова обвинял Тарасов, однако если он верно понимал разницу между этими двумя значениями — хоть его обвинение в адрес Семенова и было неверным, о чем далее — то Илюшечкин понимает их крайне своеобразно. Ибо ко второму значению он относит не только технику производства, но и формы частнособственнической эксплуатации. Но ведь эксплуатация, это категория производственных отношений, а значит она никак не может быть отнесена к технике, она относится как раз к общественным отношениям. Сам Илюшечкин, что интересно, выделял способы производства по критерию как раз техники. Однако говорил при этом об общественных способах производства. При этом он фактически игнорировал производственные отношения. Точнее у него получалось, как у Анлаза — постоянное подчеркивание диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений, при игнорировании последних, когда дело доходило до выделения способов производства. Поскольку данная публикация не предполагает критику концепции самого Илюшечкина, на этом остановимся и сосредоточимся на критике им концепции Семенова.

Итак, первый вопрос — знал ли все-таки Юрий Иванович о том, что Маркс употреблял термин способ производства в разных значениях? На обвинения в незнании этого он прямо отвечал Тарасову в статье «Дилетантизм против науки (размышления об одной рецензии)». При этом он отвечает на вопрос о том, в каком же значении этот термин употреблял Маркс, когда использовал его в качестве фундаментального понятия своей политэкономии и вообще материалистического понимания истории. Он показывает, что Маркс, употребляя его в соответствующем контексте, говорит о производительных силах и производственных отношениях. Причем как неразрывных явлениях. Илюшечкин, на пару с Тарасовым, а с ними и эксперты по всем вопросам из ЖЖ, отождествляли производительные силы с уровнем развития техники и соответствующим образом поняли Маркса. То что производительные силы связаны с производственными отношениями, причем диалектически, они не заметили и просто проигнорировали их. Следующий вопрос, в каком значении Маркс употреблял термин способ производства, когда говорил об азиатском способе производства. Как показывает Семенов в упомянутой статье — в том, которое соответствует материалистическому пониманию истории, наряду с античным, феодальным и буржуазным способами производства. В общем, Илюшечкин и Тарасов, а с ними и обитатели ЖЖ, постоянно обвиняя Семенова в том, что он марксизма не понимает, на деле сами его не понимают. Они не

поняли того значения которое Маркс клал в свои слова, они не поняли положений Семенова. Иными словами, вся их критика сплошной апофеоз невнимательности и непонимания.

Этот критик заявляет, что Семенов не выделяет единого общего критерия выделения способов производства. Это не так, он как раз это делает, этот критерий — тип производственных отношений. Но Илюшечкин почему-то применительно к работам Семенова говорит не о производственных отношениях, а о методах эксплуатации. Видимо это связано с тем, что Семенов вынужден описывать именно их, поскольку именно они составляют социально-экономические отношения в классовых обществах, включая политарное. Но ведь при этом он подчеркивает, что эти отношения как раз производственные. Заменяя же один термин иным, Илюшечкин фактически подменяет понятия, что позволяет ему заявить, мол, используемый Семеновым критерий — тип эксплуатации — вообще не подходит для роли общего критерия, по которому определяются способы производства, поскольку эксплуатации нет ни в первобытном обществе, ни в коммунистическом. Типов эксплуатации там действительно нет, и они действительно потому не могут быть критерием выделения способов производства. И Семенов это понимал. И критерием использовал не их, а типы производственных отношений. Таким образом, как я и сказал, Илюшечкин просто подменил понятия.

Он также не видит, как Семенов выявлял за взиманием налогов в обществах Древнего Востока, взимание ренты за использование средств производства, находящихся в собственности господствующего класса. Всего один вопрос — кто является собственником при государственной собственности? Тарасов вот, считает, что само по себе государство — бездушная машина — в данном случае собственник. Этот взгляд я уже разбирал. Но Илюшечкин то сам, отрицает возможность для государства быть самому по себе собственником. Так кто же им был? По нему — никто. А эксплуатация не имела частнособственнического характера. А какой же тогда он был? Грабительский, даннический? Эти определения здесь явно не подходят. Но ведь сотрудники государственного аппарата присваивали себе плоды труда других. Это же была самая настоящая эксплуатация. По большому счету Илюшечкин не понимает, что рассматривая отношения эксплуатации, Семенов говорит об экономических отношениях собственности. Самое потрясающее, что Илюшечкин говорит о том, что эти отношения и определяют типы производственных отношений. То есть, повторяет аргументацию Семенова. Но выдавая ее за возражение на его аргументацию. То есть за возражение самим себе. Все эти несуразности возникают из-за его полного пренебрежения к тому, какой именно смысл Юрий Иванович вкладывает в те понятия, под которыми Илюшечкин понимает что-то

свое.

Не выдерживает критики и интерпретация Илюшечкиным понятия общеклассовой частной собственности и изъятия прибавочного продукта в обществах Древнего Востока в виде налога, как арендной платы за пользование землей, находящейся в собственности господствующего класса. Это нельзя назвать арендной платой, и Семенов, это так и не называет. Семенов говорит о том, что в палеополитарных обществах этот налог представлял собой простое изъятие прибавочного продукта, происходившего в виде налога в обществах с подобными отношениями распределения. Илюшечкин отмечает, что сторонники азиатского способа производства, и Семенов, исходят из факта того, что существуют иные виды эксплуатации, кроме рабства и крепостничества, из факта возникновения государств на Востоке без персональной собственности (ее он называет частной) и своеобразия исторического пути развития этих обществ. По его представлениям, все это не говорит о том, что в этих обществах имели место иные социально-экономические отношения, чем в иных регионах мира, в Европе. Не видит он и разницы между производительными силами в разных странах того времени. Все потому что он де-факто полностью пересмотрел чуть ли не все категории марксизма. Положил в них что-то свое. От марксизма же осталось только представление о стадиальном развитии общества. Но его представление не позволяет объяснить ни того, почему переход между способами производства происходит в одних регионах, с одним типом отношений, и не происходит в иных, при том, что везде один и тот же способ производства. Его критерии выделения этих способов не позволяют выявить тот самый качественный критерий, отличающий одно общество от иного, на котором он сам постоянно настаивает. Илюшечкин даже не замечает, что его концепция оборачивается многолинейностью и отрицает единство исторического процесса, на котором он сам на словах настаивает.

Илюшечкина сложно винить в несостоятельности его критики. Он писал свою работу в 1996 году, когда еще не были опубликованы наиболее обстоятельные труды Семенова по данному вопросу, концепция политаризма, еще не была сведена в единую систему, и изложена таким образом. Не был обоснован и глобально-формационный подход. Наконец, не были опубликованы работы, в которых Семенов разработал обстоятельное объяснение перехода от первобытного общества к классовому — теорию предклассовых обществ. Илюшечкин обвиняет его во многих недочетах, которые просто не были устранены к моменту создания его последней публикации. Ныне все это исправлено. Так, например, заявления, что у Семенова отсутствуют упоминания о ступенях развития производительных сил и типах

производственных отношений, не соответствуют действительности. Но возможно в тех работах, которыми пользовался Илюшечкин, этого действительно не было (скажу честно, я с теми работами Семенова, на которые ссылается Илюшечкин, за исключением одной, не знаком, изучал более поздние его работы). Он, как было показано, утверждает, что Семенов использует для выделения способов производства формы эксплуатации. То есть выделяет способы производства не по экономическим отношениям собственности, а по юридическим. Не по отношению распределения и обмена, а по законодательным нормам. Это тоже не верно, Семенов использует именно отношения распределения и обмена — содержание отношений собственности, в данном контексте — содержание типов эксплуатации. Илюшечкин видимо сам не очень понимает, как отличить одно от другого, вот и не видит действительной сути позиции автора концепции политаризма. Что он сам понимает под формами и содержанием типов эксплуатации не ясно. Потому, сложно сказать, что крутилось в его голове, когда он выдвигал свои клеветнические обвинения. Впрочем, повторюсь, у Илюшечкина были в распоряжении только ранние работы Семенова, относящиеся к 60–80 гг., в которых еще не было полноценного представления его концепции. Поэтому действительная суть многих моментов могла ускользнуть от Илюшечкина. Он также обвиняет Семенова в том, что тот не учитывает длительного и сложного перехода от первобытного общества к классовому, при котором они уже не были первобытными, но еще и не были классовыми, и что необходимо выделять стадию между этими стадиями. В последним он прав, а что касается первого, то опять же — у него не было работ, где Семенов это учитывает. И не только учитывает — именно он разработал теорию экономики первобытного общества и предклассового общества. Увы, всего этого не успел узнать Илюшечкин. Он обвиняет Семенова в том, что тот игнорирует сословную структуру древних обществ и отождествляет сословия с классами. Это не верно. И этот вопрос Семенов рассматривает, но опять же в более поздних работах. При этом сам Илюшечкин пишет, что первобытные общества сменились сначала сословными, а затем «сословно-классовыми». Но ведь классы, это экономическая категория. Сословия же — юридическая. В соответствии с марксизмом — и Илюшечкин с этим согласен — в основе развития общества лежит производство материальных благ. То есть экономика. Потому сословия никак не могут предшествовать классам — они являются лишь отражениями классового устройства, с некоторыми оговорками. Таким образом здесь опять, как у Тарасова, наблюдается непонимание соотношения категорий экономики и законодательства. Он постоянно подчеркивает, что Семенов выдвигает то или иное положение, основываясь на высказываниях

Маркса. Это вероятно обусловлено тем, что у него в распоряжении опять же были только работы Семенова советского периода, когда ссылки на классиков были необходимым условием, как и доказательства позиции, соответствия того, что утверждает автор, тому, что писали классики. В более поздних работах Семенов, конечно, порой цитировал того или иного классика, чтобы показать, что указанные идеи уже у них отражались, но не это используется им как доказательство. Он опирается на факты науки и теоретические построения. А вовсе не на авторитеты. Как уже было сказано, многого из этого не было отражено в ранних работах Семенова, имевшихся в распоряжении Илюшечкина. Чего не скажешь об иных критиках. Потому то, что можно простить Илюшечкину не оправдает Тарасова, Анлаза и РедВайтГолда.

Самое главное, чего никто из них не может понять, это того, что производительные силы и производственные отношения нельзя рассматривать по отдельности. Говоря о способе производства, нельзя ограничиться утверждением об их взаимосвязи. Ибо их связь не внешняя, а внутренняя. Производительные силы существуют только через производственные отношения. Производство всегда происходит в определенной общественной форме. Она отражает уровень развития производительных сил. И сколько существует форм, столько существует и способов производства. Иными словами, никто из критиков Семенова, постоянно твердя о диалектике, этой самой диалектики не понимает.

Остается сказать вот о чем. И Анлаз и РедВайтГолд любят заявлять, что хоть Маркс в ранних работах и говорил об азиатском способе производства, но в дальнейшем, якобы, отказался от него. Я не большой знаток работ сугубо Маркса (это только Анлаз у нас эксперт по всем вопросам) поэтому мне сложно сказать так это или нет. Но вот Колганов в книге «Что такое Социализм?» отмечает, что хоть и имеются косвенные указания на то, что Маркс отказался от рассмотрения азиатского способа производства, как самостоятельного способа производства, но прямых указаний нет. Семенов же указывает, со ссылкой на работу Тер-Акопяна «Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине», что когда Маркс убедился, что данный способ производства существовал не только в Азии, он и отказался от самого термина «азиатский». Но перестав пользоваться этим термином, он не отказался от концепции. Поэтому данное утверждение критиков достаточно спорно.

Таким образом, попытки критиковать Семенова с позиции фундаментальных понятий марксизма, обнаружили полное непонимание этих понятий самими критиками.

Суть строя Древнего Востока

Уже много упоминавшийся РедВайтГолд попытался раскритиковать концепцию Семенова с иной позиции. А именно с позиции истории Древнего Востока. Он критикует Семенова за утверждения, что в обществах Древнего Востока имела место государственная собственность на средства производства — главным образом на землю, — а также систематический террор со стороны правящих верхов к своим подданным. Он утверждает, что все это было не так. В отношении собственности, он говоря о действительном положении на Древнем Востоке ссылается на работу о его истории. В ней описан строй Месопотамии, а также отдельно описана история Средиземноморья. В разделе о Месопотамии прямо говорится, что те, кто принадлежал к правящей верхушке имели привилегии при распределении земли и имущества. Иные граждане были обязаны на них работать. Несложно также заметить, что автор характеризует как рабов тех работников, которые ими не являлись. Основание — их положение кажется автору похожим на рабское. Но все же оно по описанию, которое он же приводит, не было тождественно тому, в котором были рабы в античном обществе — при собственно рабовладельческом строе. Также говорится, что в иные периоды эксплуатировались исключительно мелкие землевладельцы. То есть, хоть они и владельцы, но над ними имела место чья-то более высокая собственность. Из изложения понятно, что это собственность правящей верхушки. Так и сказано, что они несли обязанности перед государством.

Если знакомиться с разделом о Средиземноморье, несложно заметить, что там как раз указывается на то, что в обществах происходила концентрация имущества и земли, создавая пропасть между государственной аристократией и простыми людьми. Именно положение в государственной иерархии давало преимущества в деле обогащения. Персональная же эксплуатация не являлась распространенным явлением, обычно срастаясь с государственным аппаратом. Частное землевладение имело место главным образом среди придворных, т.е. принадлежность к государственному аппарату, опять же давала привилегии во владении землей и имуществом. Обычные граждане были обязаны работать на этих придворных. Здесь имеет место один из вариантов палеополитаризма, сочетающийся с иными укладами, в частности с доминарным и магнарным.

Да, важный момент, что критик проигнорировал тот факт, на который Семенов указывает, что в обществах может иметь место не один уклад, а несколько, что общество может быть многоукладным. А ведь это очень серьезно усложняет дело и меняет возможность применять дубовый подход в трактовке тех или иных моментов, связанных с проявлением политарных отношений. Семенов в работе «Социально-экономический строй Древнего Востока: современное

состояние проблемы» отмечает, что наряду с политарным способом производства, на Древнем Востоке также существовали доминарный и магнарный способы производства, причем первый существовал в четырех вариантах: рабском, приживальческом, кабальном и наймитском, а второй — в трех: рабском, кабальном и арендном. К слову, в этой же работе он с привлечением множества источников анализирует отношения на Древнем Востоке, в том числе, в Древнем Египте и Шумере, и обосновывает почему эти отношения можно назвать политарными, а где-то доминарными и магнарными. Таким образом, работа, на которую ссылается критик, подтверждает построения Семенова, но только для того, кто с ними знаком, знает, что такое политаризм, его варианты, а также неосновные способы производства, такие как доминаризм, магнаризм и нобиларизм. Бросается в глаза, что в данной работе очень мало указаний на источники — в каких именно древних письменах зафиксированы сведения, которые излагаются. Если уж на то пошло, стоит проверить и те работы, на которые ссылается Семенов в своих трудах, в частности работы Дьяконова и Илюшечкина. Не все они грешат, как эта, недостаточностью указаний на источники.

Стоит отметить и то, что в ином разделе автор той работы, на которую ссылается критик, несколько противоречит сам себе. Он приводит данные о том, что собственно рабов в тех обществах было мало. И в тоже время говорит, что в эпоху перехода к классовому обществу господствующий класс видит в захвате рабов главный способ обеспечения себя рабочей силой. Но ведь это не так. Такой способ был основным только в античном мире. Автор сам пишет, что основную массу производителей составляли свободные работники. Прицепить же рабовладение он пытается тем, что описывает их зависимость от знати — то есть то, о чем говорит и Семенов, не отождествляя безосновательно как этот автор данное положение с рабовладением — и тем, что называет их работниками рабского типа. От того, что он ввел этот термин, способ производства, имеющийся в этих обществах, рабовладением не становится. Причины были показаны выше. Так что же он? Неужели феодализм? Нет, как минимум потому что отсутствует манор. В нем имеют место зависимое положение работников, обязанных трудится на знать — это доминаризм и магнаризм. А также правители и их приближенные имеют привилегии при распределении продукта и средств производства. То есть их собственность является верховной. Но таковой она является в силу их принадлежности к правящей верхушке. То есть, это палеополитаризм. Один из его вариантов в сочетании с иными укладами. Бросается в глаза схожесть, почти дословность некоторых аргументов с теми, которые Семенов разбирал в своих работах. Вероятно критику, ссылаясь на такие публикации стоило бы ознакомиться с

ними.
Несложно заметить, что отношения владения землей в этих обществах, закреплявшиеся за отдельными людьми, происходили всегда ввиду того, что они занимали ту или иную должность в государственном устройстве. Вообще главная проблема в том, как тот или иной автор интерпретирует отношения в тех обществах, которые описаны в источниках. Кто хочет увидеть там рабовладение, притягивает за уши определение раба к положению тех работников, которые не находились в личной зависимости от рабовладельца, юридически оформленной. Семенов старается вскрыть сущность положения каждого типа работников и найти между ними отличия. Они обнаруживаются в механизмах распределения продукта и распоряжении средствами производства и т.д. Все это позволяет определить отличительные признаки тех или иных производственных отношений, а с этим и выделить способы производства. Авторы, интерпретирующие строй Древнего Востока как рабовладельческий просто так глубоко не капают и сваливают в одну кучу отношения разных типов, вместо того, чтобы четко разграничить многоукладность и определить каждый из укладов. А затем и роль которую сыграл тот или иной из них в общем развитии человечества. То есть определить основные способы производства и общественно-экономические формации.
По поводу репрессий, критик приводит в пример Древний Египет и опять же ссылается на работу, где подробно описано отношение к правителю и нормам в нем. В данном произведении никак не описывается история мнимого отсутствия террора в Египте, там просто обозначено, что правитель не имел той абсолютной власти, не был выше закона, как в эллинистическом мире. К слову, изложенное здесь полностью подтверждает построения Семенова, что государственный аппарат — правитель и его приближенные, знать — в целом верховный собственник средств производства. Причем правитель описан именно как верховный распорядитель, а не собственник.
Приводя цитату Семенова о том, что при политаризме всегда имеет место систематический террор, критик полностью проигнорировал, во-первых, слова о том, что он мог проявляться в разных формах. Что касается примеров опричнины на Руси и инквизиции в Западной Европе, то отказываясь признавать их тем самым террором, РедВайтГолд никак не обосновывает это, он просто высмеивает такой взгляд и объявляет ошибочным. Основание — он лично с этим не согласен. Изменение характера общественных отношений, сопровождавшееся этими событиями, он оставляет без внимания.
Таким образом, критика построений Семенова о строе стран Древнего Востока также оказывается несостоятельной.

Глобальное объяснение мировой истории

Концепция глобально-стадиального подхода к мировой истории выдвинутая Юрием Семеновым также подвергалась критике. Так в одной из них утверждается, при описании введенного Семеновым понятия социально-исторического организма, что он относит к таковому Российскую Империю, которая представляла собой единый организм. Но многие народы, населявшие ее до включения в оную были отдельными социально-историческими организмами, и этого Семенов, якобы, не замечает. Почему же замечает. До включения они были отдельными организмами, после — стали частью единого. Автор этой работы, судя по тому, что он сравнивает это с характеристикой Семеновым Британской Империи, считает, что Семенов не относит ее к единым социально-историческим организмам, на том основании, что колонии были иными организмами до включения в состав империи. Но это не так. Семенов не относит ее к единому организму, потому что колонии представляли собой иные области — там действовали иные законы, не равнозначные тем, что имели место в центре. Российская Империя была единой страной юридически и территориально. У Семенова это четко оговорено. Как автор умудрился этого не заметить не понятно. Вообще в этой работе много непонимания положений Семенова, которые у того вполне четко и конкретно оговорены. Видимо у автора полнейшая невнимательность.

Далее критик разбирает понятие этноса даваемое Юрием Ивановичем. Он указывает на то, что разные социально-исторические организмы в классовых обществах, это страны. При этом в разных странах могут присутствовать разные этносы. Идентичность этноса понимается как биологическая, хотя она производная от социальной. Это положение Юрия Ивановича критик принимает. Но далее он утверждает, что раз этнос и его культура — продукт общества, то его культура не его, а общества, а значит он и есть общество, а значит страна. И делает из этих выкрутасов ошеломительный вывод, что культуру страны определяет «государствообразующий этнос», он создает культуру, передает ее и в ней отражается опыт веков. Критик старается сформулировать свои спекуляции так, чтобы они выглядели логично, хотя, как не сложно заметить, никакой логики в них нет.

Во-первых, из того, что культура определяется обществом, не следует, что она не является продуктом конкретного этноса, включенного в более крупное объединение, обозначаемое в данном контексте как общество. Она является как раз продуктом того общества, которое представляется как этнос. Автор просто смешал понятия общества, относящегося к геосоциальному организму в целом и того, которое относится к этносу. Геосоциальный организм представляет из себя отдельное общество на определенной территории, относительно

самостоятельную единицу исторического развития. Если геосоциор вбирает в себя иные социоры, иные этносы, он вбирает в себя и их культуры. Поэтому говорить о том, что некий «государствообразующий этнос» определяет культуру страны, потому что именно страна создала эту культуру неуместно. Культуры возникают в определенных обществах, которые в процессе исторического развития могут объединяться и распадаться. Таким образом, страна вобравшая в себя этнос с его культурой не может быть источником этой культуры до того, как в нее были включены соответствующие этносы. Поэтому если некий этнос («государствообразующий») распространяет свое влияние на другие этносы, не его заслуга в возникновении культур этих этносов. И уж совсем смешно подчеркивание автором того, что этот этнос передает культуру и в ней отражается опыт веков. А культуры иных этносов не передаются? Или в них не отражается опыт веков? В общем, автор старается путем чисто словесных выкрутасов обосновать построениями Семенова свои националистические взгляды. Учитывая, что Семенов, как и полагается марксисту, был интернационалистом, это просто свинство.

А дальше еще краше, критик заявляет, что подлинной единицей исторического развития является не то, что Семенов определил как социально-исторический организм, а этнос. То есть, страны, в которых присутствуют разные этносы не являются полноценными историческими образованиями? Вот если к примеру, в рамках некой страны произошел прорыв в технологиях, этот этап исторического развития необходимо адресовать, какому этносу? Тому к которому принадлежал руководитель команды, его совершившей? Или тех, кто предлагал отдельные решения конкретных вопросов? Или тех, кто исполнял непосредственное изготовление того, что было необходимо и отшлифовывал технологию? А может тот, к которому принадлежал руководитель страны? Ведь все эти люди могут принадлежать к разным этносам. И как быть с тем, что СМИ заявят о том, что эта страна первой добилась такого прорыва? Так какой из этносов его добился? Или это все-таки страна? Но тогда страна предстает как единица исторического развития? Если это «государствообразующий этнос», то выходит, что всю заслугу можно приписать тем, кто просто держит власть. Но он же может не иметь никакого отношения к совершенному открытию. Таким образом, представление даваемое автором просто игнорирует восприятие страны, геосоциального организма, как единой структуры, объединенной территорией и государственной властью — хотя само это определение он сам ей дает — представляющей собой единицу исторического развития.

Далее он переходит к критике концепции политаризма. Для начала он указывает на критику данную Илюшечкиным, которая была разобрана выше. Потому останавливаться на ней не будем.

После этого он ссылается на Тарасова. Причем как раз на ту статью, на которую Семенов ответил. Тут я был заинтригован, ведь Тарасов на это так и не ответил. Неужели автор сам сейчас покажет несостоятельность положений, приведенных в ответе Семенова? Нет, он просто проигнорировал этот ответ, сделал вид, что его нет. Невольно подумалось, может так совпало, что написание этой работы выпало на период после публикации критики Тарасова, но до ответа Семенова? Оказалось нет, она была опубликована через несколько лет после публикации ответа Юрия Ивановича. Как же автор, явно готовившийся к своей работе ухитрился не заметить этого? Или специально сделал вид, что ответа нет?

Далее автор начинает критиковать Семенова за взгляд на историю как процесс развития, указывая, что линяя развития западных обществ не единственная, и линяя, которую он привел для России, кажется ему равнозначной. Он полностью здесь игнорирует факт того, что наука, какой мы ее знаем, получила толчок именно в Западной Европе в период Возрождения, и Россия, в указанный период, в своем развитии заимствовала достижения именно оттуда.

Далее автор обвиняет Семенова в «европоцентризме», под которым имеется ввиду констатация факта утверждения мировой капиталистической системы. Да именно так, обвиняет в констатации факта. Но выдвигая свои обвинения, критик никак не опровергает положений Юрия Ивановича. Видимо он считает, что этого достаточно.

Далее он обвиняет Семенова в оправдании насилия со стороны капитализма и колониализма. Нужно ли говорить, что ничего подобного в работах Юрия Ивановича нет. Но он и не склонен отрицать развитие человечества. Не склонен идеализировать жизнь народов, находившихся на стадиях первобытного и предклассового общества, в которых вообще-то также процветали насилие и даже каннибализм. Последний на островах Полинезии, Микронезии в некоторых регионах Африки был ликвидирован именно в результате европейского влияния. Это не оправдывает ужасы колониализма. Но и ужасы колониализма не оправдывают межплеменные конфликты, насилие и каннибализм. И уж тем более они не могут поколебать того факта, что именно в западных обществах с определенного периода произошел рывок в развитии производительных сил. Именно об этом говорит Семенов — о развитии человеческого общества, центр которого на протяжении истории перемещался от одного конкретного общества к иному, и начиная с феодализма, он переместился в западные общества, откуда достижения распространились на иные регионы мира, сделав возможным дальнейшее развитие в них.

Автор обвиняет Юрия Ивановича в том, что тот якобы вслед за Марксом игнорирует культурное своеобразие разных народов. Это уже откровенная

клевета, выстроенная на замалчивании критики Семеновым колониализма и его признания достижений иных культур. Если вначале работы этого критика мы могли предположить с его стороны имперские настроения с «государствообразующим этносом», то под конец видим воззрение культурного плюрализма. Все культуры равнозначны, и если в рамках какой-то возник паровой двигатель и микроэлектроника, и они были переняты иными культурами, то эта культура ничуть не прогрессивнее тех, которые это перенимали. Такой подход отрицает развитие человечества как таковое, о чем уже было сказано. Но автор этого не хочет замечать. Хоть Семенов разъясняет как раз этот момент, его критик в упор избегает говорить об этом. Причем автор делает совершенно невменяемый вывод, что построения Семенова представляют исторический процесс строго детерминированным и исключающем развитие. Он заявляет, что представление Семенова отрицает развитие понимания сущности исторического процесса и представляет его как нечто уже познанное и единственный верный критерий определяется материалистическим пониманием истории. Семенов вовсе не отрицает развитие понимания сущности исторического процесса и научных представлений о мировой истории. Но он показывает, что материалистическое понимание истории оказалось единственным, которое способно непротиворечиво дать это объяснение в рамках имеющихся данных.

Автор критики любитель «цивилизационного подхода». Такой подход не может сочетаться с подходом стадий развития, поэтому когда он говорит, что Семенов сочетал в своей глобально-стадиальной концепции марксистскую формационную концепцию и цивилизационный подход — это говорит о том, что он не понимает ничего из этого. Семенов вполне четко объясняет в своих работах, что линейно-стадиальный подход не в состоянии объяснить то, что ни одно конкретное общество не проходит все или даже большинство стадий развития. И цивилизационный подход появился как следствие осознания этого, но он предлагал также несостоятельное объяснение, что все общества независимы, и никакого единого исторического процесса развития человечества нет. Семенов как раз четко пишет, что попытки создать гибрид линейно-стадиального подхода и цивилизационного подхода, это путь в никуда. Такое сочетание представляло бы из себя многолинейную эволюцию, но это не единый процесс.

Его глобально-стадиальный подход устранил недостатки классической интерпретации формационного подхода, позволил объяснить развитие в рамках всего человечества в целом, а не только отдельных обществ, которые могли появляться и исчезать. Ибо рядом оставались иные, могли возникать новые на месте исчезнувших. Но преемственность культуры позволяла двигать

человечество вперед в его производственной деятельности, его научном и культурном развитии. Подход же критика отрицает такое развитие.
Цивилизационный подход, которого придерживается критик, это представление о нагромождении историй отдельных народов, которые просто все время повторяются бесконечное количество раз. Поскольку каждое отдельное общество возникает и развивается независимо, ничего принципиально нового внести в историю оно не может. Все общества равнозначны. Каждое из них может развиваться до поры до времени, но человечество в целом не развивается. История человечества не является единым процессом, а значит, нет эпох всемирной истории. Если кому-то охота верить в настолько противоречащую реальности теорию, дело его.

Причины создания новых терминов

Хотелось бы остановиться на вопросе, касающемся возмущения Тарасова по поводу введения новых терминов Юрием Семеновым. Тарасов заявлял, что никакой необходимости в этом нет, и потому Семенов поступал неправильно. Все не так просто. Действительно Юрий Иванович был невероятно склонен к созданию новых терминов, причем это касалось не только явлений, которые прежде не имели специального обозначения в научной литературе, но и тех, для которых уже существовали устоявшиеся понятия. Причин по которым Юрий Иванович шел на введение нового термина было несколько. В одном случае имело место использование одного и того же термина для обозначения нескольких разных явлений. Это могло создавать путаницу. Сам Тарасов часто жаловался, что его оппоненты не понимают того, что он пишет. Одна из причин этого — хоть сам Тарасов, возможно, этого и не осознавал — как раз в этом. Одно и то же слово используется для обозначения разных явлений. Обычно для выявления конкретного значения используется контекст. Но не всегда это срабатывает. Например слово «общество», даже если исключить его бытовые значения, вроде «попал в дурное общество», в литературе используется в пяти разных значениях. В одном случае оно обозначало определенное конкретное общество, существующее или существовавшее в определенное конкретное время и на определенной конкретной территории. В ином — систему таких обществ. В третьем — все человеческое общество в целом. В четвертом — общество вообще. В пятом — общество вообще определенного типа, выделяемое по определенному признаку или комплексу признаков. Семенов хотел избежать путаницы и поэтому для первого случая ввел термин социально-исторический организм, или социоисторический организм, или просто социор.
В ином случае мог иметь место устоявшийся термин, который был не слишком

удачен и вводил в заблуждение. Например термин «экономическое принуждение» создает, из-за слова «принуждение», впечатление того, что обозначаемое явление заставляет людей действовать определенным образом, вопреки их желанию. На самом же деле, хотя такое тоже возможно, но чаще всего экономическое принуждение проявляется в том, что как раз порождает у человека желание действовать определенным образом — зарабатывать как можно больше денег и накапливать богатство. Поэтому Юрий Иванович ввел термин экономическое детерминирование, поскольку утверждение о том, что социально-экономическая система детерминирует поведение человека, более точно. Поскольку при капитализме экономика детерминирует его поведение напрямую, Семенов назвал это ортоэкономическим детерминированием или ортодетерминированием. При докапиталистических способах производства экономика детерминирует его поведение опосредованно, через родство, религию или нормы морали, поэтому его Юрий Иванович назвал трансэкономическим детерминированием, или трансдетерминированием.

Иной пример — термин «азиатский способ производства». Тот способ производства, который он обозначает существовал не только в Азии, но и в других частях света, а потому корректней был бы термин, который отражал суть его. Поскольку данный способ основывается на общеклассовой частной собственности, которая всегда принимает форму государственной, исследователь предложил термин «политарный способ производства», или просто «политаризм». Поскольку в истории существовал не один вид такого способа производства, а разные, различающиеся как по той материальной базе, на которой они разворачивались, так и по самому типу социально-экономических отношений, то он ввел различные термины для обозначения каждого. Тот способ, который существовал на Древнем Востоке, он назвал «палеопалитарным способом производства», или «палеополитаризмом». Тот, который утвердился в XX веке в СССР и иных странах советского блока, он назвал «неополитарным способом производства», или «неополитаризмом».

Необходимостью являлось и создание терминов для выдвинутой им концепции глобально-стадиального развития общества. Поскольку без этого разработка теории была невозможна.

Конечно, необходимо признать, созданием терминов Юрий Иванович слишком увлекался, и далеко не всегда это было оправданно. Иногда он водил термины, которые совершенно не требовались — где вполне можно было обойтись целыми небольшими фразами. Семенов преследовал цель избавится от той путаницы, которую создает необходимость распознавать контекст, в котором звучит то или иное выражение, но к сожалению введение новых терминов решало эту задачу далеко не всегда, нередко оно само вносило путаницу и

создавало большие проблемы для тех, кто только начинал знакомится с его творчеством. И все же далеко не всегда введение нового термина было излишним. Нередко его можно было считать весьма удобным, а в иных случаях — необходимым.

Тарасов заявляет, что применение Семеновым по отношению к строю стран капиталистического ядра термина ортокапитализм, а по отношению к странам капиталистической периферии термина паракапитализм, некорректно, поскольку, как он замечает, это «все капитализм» и ядро не может существовать без периферии. С одной стороны это верно. Но с другой, сам Тарасов то и дело использует термин периферийный капитализм, который, по сути, обозначает то же явление, что и семеновский термин паракапитализм. Введение этих терминов и впрямь спорно, однако оно вовсе не пытается представить ситуацию так, словно эти капитализмы разные, независимые. Тогда уж, как было сказано, и вся концепция зависимого капитализма с ее терминами периферийный капитализм и капитализм ядра, также представляет ситуацию, что эти капитализмы независимы. Собственно, поскольку существуют устоявшиеся термины необходимости в новых, вводимых Семеновым, и нет.

Разумеется новых терминов требовали и выделенные Семеновым неосновные способы производства. Поэтому во многих случаях, введение новых терминов обоснованно.

Недостатки концептуальных построений

Конечно, как любой человек, Юрий Иванович тоже совершал ошибки. Явно ошибочной является его представление о разуме животных, которое он настойчиво продвигает в некоторых своих книгах. Он заявляет, что у животных он отсутствует, что их поведение целиком и без остатка можно объяснить условно-рефлекторной деятельностью. Он при этом полностью игнорирует новые данные, полученные в этой области в последние десятилетия, показывающие, что животные также умеют и планировать свои действия и обуздывать импульсивные порывы. Эти данные приведены, например, в книге Франса де Ваала «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных».

Семенов заявляет, что доминирование свидетельствует об отсутствии у животных умения обуздывать свой индивидуализм. При этом он приводит в пример доминирующее животное, которое удовлетворяет свои потребности, не считаясь с интересами других. При этом он почему-то полностью проигнорировал объяснение поведения подчиненного животного, — ведь оно вынужденно как раз обуздывать свои порывы, отказываться от удовлетворения своих потребностей, если это мешает удовлетворению их животным

доминирующим.

Он заявляет, что концепций, объясняющих поведение животных после концепции Павлова нет ни одной, которая была бы полной и систематизированной. Он все же не являлся специалистом в этой области, чтобы делать столь громкие заявления, не мог претендовать на то, что настолько хорошо знаком со специальными публикациями в этом вопросе. Не трудно заметить, что ни на одну публикацию старше 80-х гг. он в этой области не ссылается. А ведь наибольшее количество серьезных исследований вопроса разума животных было проведено уже после, в 90-е. Но с их результатами он почему-то не посчитал нужным ознакомиться. Конечно, это не удивительно. Он и так оказался знаком с таким большим количеством публикаций в самых разных областях, что ждать от него большего сложно. Но ввиду этого, с его стороны было явной неосмотрительностью заявлять однозначно, что поведение животных полностью описывается теорией условных рефлексов.

В этом отношении нельзя признать состоятельной и его постоянное противопоставление человека и животных, мол, человек, это не один из видов животных, а нечто принципиально отличное от них. Конечно, разум человека и его поведение действительно существенно отличаются от разума и поведения иных существ, — только человек демонстрирует сложное мышление, язык, только он смог породить общество, цивилизацию, породить то, что можно назвать кумулятивной культурной эволюцией. Но на этом основании противопоставлять его как отдельную от животных категорию неправомерно.

Дело в том, что человек — Homo Sapiens — это категория, как раз биологии, обозначающая определенный вид живых существ, определенный вид именно животных. Пытаться же противопоставлять этот один вид животных всем другим и заявлять, что он не относится к животным, значит делать переворот в биологии, вводить в нее новую категорию, наряду с растениями и животными. В этом случае неизбежно возникают вопросы, а если скажем белки породят цивилизацию, станут демонстрировать сложное мышление, их после этого также нужно будет называть людьми? Относить к категории «Человек»? Любому человеку, хоть биологу, хоть историку, хоть еще кому-то очевидно, что нет, ведь «Человек» обозначает определенный вид, а белки, это иной вид. То есть, «Человек», это именно биологическая категория, обозначающая определенный вид животных.

Семенов заявляет, что человек отличается от животных тем, что у него есть социальное, тогда, как у животных только биологическое, и поэтому он от них принципиально отличается. Но «социальное», это уже не биологическая категория, а «Человек», как раз биологическая. Единственный путь, которым можно было бы принять данное утверждение, это ввести в биологию категорию

социального. Но в этом случае придется рассматривать иных животных в свете этой категории. А так как у них социального действительно нет — для этого необходим полноценный разум, основным признаком которого является кумулятивная культурная эволюция — то и присоединять к ним эту категорию неуместно. Таким образом, Семенов смешивает контекст биологии и общественных наук, не понимая различия их категорий. В общем, человек является все же одним из видов животных, если рассматривать его с точки зрения биологии. Если же рассматривать его с точки зрения общественных наук, то в этом контексте неуместно рассматривать других животных, а значит и пытаться противопоставлять здесь им человека неуместно.

Охватывая огромное количество тем, Юрий Иванович, конечно, не мог быть специалистом в каких-то отдельных узких вопросах, например, в спорных вопросах истории Древней Руси, и было бы слишком требовать от него такого. Потому он оказался вынужден повторять те байки, которые утвердились в среде специалистов, в частности о том, что варяги, пришедшие на Русь с Рюриком были скандинавами. Вся совокупность фактов говорит о том, что это не так. На эту тему у меня есть статья, опубликованная на моем личном сайте. Таким образом, в этом отношении Юрий Иванович ошибался.

Хоть Семенов и не был из тех, кто растрезвонивает о своей революционности, но он также был приверженцем революционного подхода в вопросе социального освобождения. То, что этот подход ошибочный я уже обстоятельно показывал в статье о свободе и публикации с разбором работ Тарасова, вот этой. Однако, взгляд Юрия Ивановича на этот подход был несколько специфическим. В отличии от большинства его приверженцев, он считал, что его могут провернуть не только революционеры, выходцы из угнетенных слоев, но и даже правительства. Правительства стран, находящихся в системе мирового капитализма в зависимом положении. Его концепция глобальной классовой борьбы совершенно не выдерживает критики. Вся практика говорит о том, что правительства держатся за свои интересы, которые никак не согласуются с интересами угнетенных, и они рассматривают себя как конкурентов своих коллег из капиталистического центра. Его вдохновлял пример того, как правительство России перестало слепо следовать указаниям западных государств и начало вести собственную политику. Но он полностью проигнорировал то, что эта политика совершенно не выходит за рамки того неолиберализма, который утвердился на планете после краха советской системы. Утверждение о том, что ликвидация «ортокапитализма» — капитализма центра — будет ликвидацией капитализма вообще, совершенно нельзя принимать всерьез. И не только потому что сам такой сценарий фантастический, но и потому что это утверждение бездоказательное. Что

помешает государству, вырвавшемуся из зависимости от этого самого центра, просто самому стать новым центром — новым глобальным угнетателем? Власть имущие заинтересованы в продолжении угнетения, а не его снятии. И если они стараются вырваться из собственного угнетения, то это не значит, что они откажутся от угнетения своих подданных, которое обеспечивает их положение. Утверждать обратное — впадать в эскапизм.

Как бы то ни было, Семенов внес колоссальный вклад в развитие знания, в теорию познания, теорию истории и общества, понимание возникновения экономики, брачных отношений, семьи. Никакие ошибки не затмят значение его вклада в науку, не затмят концепций политаризма и глобально-стадиального подхода, их достоверность вполне обоснованна.